

Среди интеграционных проектов, реализуемых под эгидой Постоянного Комитета Союзного государства, особое место занимает Конкурс молодых литераторов России и Беларуси “Мост дружбы”. Он ориентирован на поиск и поддержку молодых талантливых авторов, привлечение их внимания к истории, культуре и литературным традициям наших двух стран. Задача Конкурса: укрепление социально-культурного взаимодействия в рамках Союзного государства, развитие российско-белорусских литературных контактов, знакомство читателей с произведениями молодых писателей.

По итогам Конкурса в 2015 году были названы имена победителей, как с российской, так и с белорусской стороны. Журнал “Наш современник” публикует произведения лауреатов.

ВИКТОРИЯ СИНЮК

РАЗЫСКИВАЕТСЯ ФИЛОСОФ

РАССКАЗ

Почти всё свободное время Виктор Велемыслов проводил в библиотеке. Согласно индивидуальному плану работы аспиранта, он должен был подготовить первый раздел диссертации к апрелю. Кроме того, ему нужно было написать статью к ежегодной мартовской конференции, чтобы разжиться первой аспирантской публикацией. Сроки поджимали, а у Виктора по-прежнему не получалось засесть за кропотливый научный труд. “Чем же занимался этот бездельник в библиотеке? — спросите вы. — Гонял чай с маковыми булками в буфете или попусту бродил по мраморным лабиринтам огромного здания, разглядывая нелепые гобелены и барельефы, развешанные на его стенах?” Да-да, и чай он гонял, и гобелены рассматривал (“Это же сколько

СИНЮК Виктория Александровна родилась в г. Минске в 1988 году. Окончила филологический факультет Белорусского государственного университета. Печаталась в журналах “Новая Немига литературная” (Минск), “Брега Тавриды” (Симферополь). Живёт в Минске.

времени нужно было угрожать на эту нелепицу!” — думал, глядя на них, Велемыслов). Но не чай и гобелены занимали его. Попадая в благоуханный, призывно шуршащий миллионами страниц мир книг, он пропал, возносился в ноосферу и с большим неудовольствием покидал её, когда третий звонок приглашал последних читателей оставить уютные залы. Постклассическая нарратология, на которую обрёл его профессор Роботенков, мало занимала Виктора, хотя, надо отдать ему должное, он неплохо в ней разбирался. И всё же она проигрывала философии, психологии и классической литературе, которым Велемыслов отдавался со всепоглощающей страстью. Настала блаженная пора, когда все экзамены, все списки для обязательного чтения остались позади и можно было лакомиться знаниями, как того пожелает ненасытный разум.

Коллег-аспирантов, иногда появляющихся в библиотеке, Велемыслов старался обходить стороной. Впрочем, так было не всегда. “Шёл я к людям с открытой и детской душой...” — писал Александр Блок. Так и Виктор шёл к своим товарищам по факультету: щедро делился идеями, почерпнутыми из книг, увлечённо рассказывал интересные и поучительные случаи из жизни их авторов, поверял свои сокровенные замыслы — до тех пор, пока однажды в буфете две милые аспиранточки с кафедры языкознания не вернули его из мира горнего в мир дольний:

— Ох, и нелегко, Велемыслов, будет с тобой твоей будущей жене! — подначивали они Виктора после его великолепного монолога о психоаналитических изысканиях Карен Хорни.

— Не понял. Это почему?

— Она тебе: “Витька, купи норковую шубку! Холодно ведь!” А ты ей что? “Дорогая, у тебя компульсивно-обсессивное расстройство”?

— Между прочим, это не так уж далеко от истины. Ведь все эти шубки покупаются женщинами вовсе не для тепла, а для того, чтобы соответствовать предписаниям гламура и не чувствовать себя чужими на празднике жизни. Уверяться в собственной состоятельности, приобретая модные и трендовые штучки, — согласитесь, в этом определённо есть что-то нездоровое, даже невротическое...

Здесь филологини не выдержали. Они расхохотались так, что суровая, каменоломная буфетчица попросила всю троицу немедленно покинуть помещение.

Больше Виктор просветительством не занимался и родственных душ не искал. Если коллеги, с которыми он время от времени сталкивался в библиотечных коридорах, спрашивали Велемыслова, чем он занимается, Виктор, пряча за спиной жизнеописание Пушкина, или Чехова, или Сократа, отвечал:

— Пишу первый раздел диссертации и доклад на мартовскую конференцию.

Идеи, культурное значение диссертации и доклада никого не интересовали, зато всех беспокоил объём проделанной работы и сроки сдачи её научному руководителю. Когда Виктор говорил, что написал не слишком много и сдаст раздел ещё не скоро, они облегчённо вздыхали:

— Ой, и не говори! Эта диссертация — вынос мозга какой-то! Меня научрук поедом ест, а толку мало! Нет, уж лучше б жениться!

Однажды солнечным февральским утром Велемыслов отправился в зал периодических изданий. Он с трепетом выгреб из специального ящичка все номера одного философского журнала за минувший год и, предвкушая увлекательный экскурс в ноосферу, устроился поудобнее в кресле. Виктор не спеша перелистывал чистые, никем не тронутые страницы — к его разочарованию, интересного было немного. Начинал читать статьи с интригующими заголовками — не увлекало: казённый, мёртвый академический язык никак не соответствовал представлению Виктора о языке живой философии. Даже Гегель изъяснялся не столь мозголомно! С каждым номером разочарование всё более охватывало его... Он мрачно перелистывал страницы последнего журнала, и тут глаз зацепился за странное слово — “технобиэволюция” (оно фигурировало в названии одной из статей). Велемыслов стал читать.

Авторы статьи вдохновенно вешали о грандиозном антропологическом сдвиге, который уже стартовал; о совершенствовании природы человека с по-

мощью новейших технологий; о невиданных прелестях прогресса вроде каких-то лекарственных суперпилюль, которые — представьте себе! — будут телефонировать человеку в случае, если он забудет их принять, и так далее, и так далее. Больше всего Велемыслова впечатлил проект одного чудо-устройства: специальный чип, вживленный в организм “техночеловека”, будет полностью сканировать состояние здоровья его владельца и в трудную минуту на основании своих показаний сам вызовет “скорую помощь” вышедшему из строя “киборгу”. Провозвестники технобиоэволюции призывали не бояться этих грядущих новшеств и принять их как должное. Ведь станок Гуттенберга или радио тоже когда-то казались чем-то вопиющим и неслыханным! Такое развитие человечества вполне закономерно, а против объективной исторической необходимости ничего не попишешь. Что поделаешь, коль природа человека столь несовершенна! Слаб человек, слаб. Чип, разработанный лучшими умами современности, спешит на помощь!

Велемыслов вернул журналы на место и сел за стол возле окна. В голове его калейдоскопически менялись картины будущего. Вот он, дряхлый старик, может быть, именитый профессор, сидит в своём кабинете и вздыхает о прошлом: о весёлом деревенском детстве, о набегах на соседские сады и сладком соке краденой черешни, о первом поцелуе с дерзкой Ленкой, которая уже на следующий день целовалась с Серёжкой за огородами... Ах, эта Ленка! До чего хорошо, до чего коротко было её синее в белый горошек платье! До чего милы круглые коленки в маленьких ссадинках! И тут его старческое сердце ёкнет, застучит быстрее, в глазах сверкнут слёзы ностальгии и умиления... И в этот самый момент бдительная пилюля, о которой он совсем позабыл, начнёт трезвонить по телефону. Чип, вживленный в ткани организма, добросовестно зафиксирует: “Аритмия”, — и немедленно вызовет “скорую”. Через несколько мгновений в квартиру профессора Велемыслова ворвутся врачи-киборги и начнут оказывать экстренную помощь. Их супердатчики, обладающие способностью к полному сканированию психологического и физического состояния человека, определяют причину сердечного сбоя: воспоминания о прошлом. Профессор незамедлительно получит инъекцию, раз и навсегда освобождающую его от волнительных мыслей, тревожной памяти и ненужных фантазий....

— Пресвятой Хаксли! Бред какой-то! — Виктор вскочил. Ноги понесли его в буфет: нужно было обдумать прочитанное за чашкой горячего кофе...

* * *

Однажды в библиотеке Велемыслов наткнулся на антропологический трактат одного неизвестного философа современности. Этот труд столь поразило молодого человека, что он ничтоже сумняшеся наделил автора статусом гения, непризнанность которого была вполне объяснима: его идеи, как принято говорить, опережали время, шли вразрез с самим духом эпохи, с её идеологической органикой. “Нет-нет, — возразил Виктор расхожему мнению, — это не идеи опережают время, они как раз весьма современны, — это человечество катастрофически отстаёт от них!” Больше всего Виктора вдохновили взгляды мыслителя на будущее и на перспективы развития человеческой природы. В отличие от журнальных философов, обеспокоенных чудо-чипами и киберпилюлями, автор труда говорил о том, каким должен стать человек, чтобы подлинная история человечества, освещённая солнцем разума, наконец началась. Ум, сознание, духовность — вот качества, которые превращают человека в Человека, в Личность, каковых, увы, пока ничтожно мало. Большинство организует свою жизнедеятельность согласно императивам коллективного бессознательного, главные из которых — обогащение и власть. Именно поэтому социальное бытие человечества омрачено нескончаемыми войнами, революциями, проблемами экологии. И частная жизнь человека, в которой главенствует всё тот же принцип власти, чаще всего не имеет никакого отношения к счастью, подменяемому довольством и удовлетворением властных амбиций. Смысл жизни умного человека, личности —

не в довольстве и не в господстве над ближним, а в полнокровном, разумном счастье, основанном на любви и познании, на жизнетворчестве и гармонии. Не тюнингованный киборг должен прийти на смену современному человеку, а человек воинственно разумный, духовно здоровый, для которого главной заповедью станет заповедь Сократа: “Cognosce te ipsum”*. Вот это была бы эволюция! Новая, невиданная эра! Социум, состоящий из людей, культивирующих духовные потребности и гуманистические ценности, — это социум без войн и угрозы техногенного апокалипсиса, перед которой даже сверхмощный интеллект окажется бессильным. Не интеллект, пролагающий новые пути приспособления к действительности, а разум, постигающий истину и на основе истины гармонизирующий универсум, — вот в чём жизненно нуждается Homo sapiens, получивший свой видовой эпитет авансом! Пора, наконец, начать его отрабатывать! Пора умнеть, человеке, иначе не обузданный разумом и нравственностью интеллект сотрёт тебя в космическую пыль, с которой, как с горсткой золы, будут играть ветра Вселенной.

Эти идеи всколыхнули Велемыслова и в то же время подарили ему ту мировоззренческую почву, которую он долго искал, но нигде не находил. В невостребованном, никем не прочитанном томике, завалывшемся в библиотечных хранилищах, он нашёл ответы на вопросы, задавать которые в двадцать первом столетии было не принято. Спроси-ка — в чём смысл жизни? — начни рассуждать об истине, и тебя непременно заподозрят в сочувствии проклятым тоталитарным режимам! Развлекайся, милый Homo ludens**, прекрасный “техночеловек”, и не ищи ума. Поклонись малютке чипу — он подскажет, как жить, как мыслить и страдать...

После роковой встречи с этой книгой у Велемыслова и начались проблемы с диссертацией: постклассическая нарратология утратила для него своё схоластическое обаяние и стала казаться чем-то таким, что назойливо отвлекает его от главного...

Виктор пробовал найти какую-нибудь информацию об авторе трактата, мечтал связаться с ним, если тот ещё жив, однако всеведущий интернет не знал о нём ровным счётом ничего.

* * *

Через несколько часов Велемыслов сидел на кухне у своего друга, Пашки Железнова, студента машиностроительного факультета, и излагал ему свои сумбурные соображения о “техночеловечестве”. Пашка терпеливо слушал, вовремя подливал чай, но не совсем вникал, из-за чего Витя, обычно спокойный и уравновешенный, так кипит. Конечно, он и раньше с жаром что-то доказывал Пашке, но в этот раз градус явно побил все рекорды.

— Нет, Пашка, ты понял, да? — негодовал Велемыслов. — Технобиоэволюция! И они с восторгом об этом пишут! Эти кабинетные умники снимают свои цилиндры перед техногенным варварством! Сократа на них нет!

Наконец, Павел не выдержал и от чистого сердца решил заступиться за идеологических противников Велемыслова:

— Вить, если подумать, а что плохого? Прогресс не остановишь, да и зачем? Всё течет, всё изменяется, как сказал философ. А чипы — это же новые ощущения, новые возможности! Поставь себя на место пенсионера, которому, случись что, некому вызвать “скорую помощь”. А чип взял и вызвал! Гуманно, между прочим...

— Допустим. Ещё гуманней пересоздать человека так, чтобы у него в принципе никогда и ничего не болело, не находишь? Иными словами, поменять жизнь “умным” железом — со всеми вытекающими последствиями. Как ты не понимаешь, что “гуманные” чипы — это всего лишь частный случай стратегии тотальной дегуманизации! Масштабней мыслить нужно, дружище!

* Познай самого себя (лат.).

** Человек играющий (лат.).

Пашка не горел желанием вникать в подобные диалектические каверзы (такого рода рассуждения казались ему типичной гуманитарной болтовней) — он был очарован тем, что услышал ранее:

— Нет, послушай, ведь действительно когда-нибудь у каждого человека в мозгу будет встроены компьютер! Это же какая экономия пространства, времени, а! Какая свобода действий! Нет, Витёк, ты как хочешь, а я тоже снимаю свою бейсболку перед таким будущим. В каком, говоришь, журнале эта статья? Не думаю, что её авторы так наивны, как ты себе это представляешь!

Витя обхватил голову руками и стал нервно дрейфовать по небольшой Пашкиной кухне.

— Пашка, ты совсем одурел? Эволюция должна пойти по другому пути, голова ты дубовая! Человек разумный, а не киборгоподобный интеллект — вот альтернативный вектор эволюции! Думаешь, компьютер в голове сделает тебя свободным? Как говорили древние, истина сделает тебя свободным! А не чип в башке! Ты, Железнов, просто ещё не понял, что технический прогресс амбивалентен: даруемая им “свобода действий” для большинства людей оборачивается новым “крепостным правом”, а в нашу эпоху оно, между прочим, самое коварное за всю историю — информационно-виртуальное! Вот тебе и “свобода действий”! Заранее запрограммированная и просчитанная! Наслаждайтесь, рабам Рима такое и не снилось!

— Да ты чего, братан? — Пашке уже не хотелось продолжать этот странный разговор с взвинченным Витей, и он предпринял попытку его успокоить: — Не кипятись ты так! Тебя, может, вообще не будет, когда эти “технолюди” с чипами явятся!

Виктор рассвирепел на шутку. Принцип “после нас хоть потоп” был отвратителен его душе, устремлённой в разумное будущее человечества.

— Нет, Паштет, они уже явились! Ох, прошу прощения — вы, вы уже явились! Здравствуйте, добро пожаловать на Землю! Приятного вам апокалипсиса! — Витька схватил рюкзак и выбежал из Пашкиной кухни.

— Придурок! — бросил вдогонку обиженный Пашка.

Не кипятиться и смириться с этим будто бы естественным ходом вещей Велемыслов не мог. Бездействовать тоже. О собственной роли в истории он не помышлял (разве когда-то, давным-давно, в наивном отрочестве, но кто не тешился подобными фантазиями?), однако сидеть, сложа руки, перепоручив судьбу — свою и общечеловеческую — амбициозным закройщикам будущего, не входило в его планы. Если действовать, то как? Наука — вот единственный инструмент, находящийся в его распоряжении! От постылой постклассической нарратологии он откажется (профессор, конечно, будет страшно разочарован в аспиранте, подававшем большие надежды), но что дальше? Кому нужна наука, обеспокоенная этими, так сказать, сомнительными проблемами и не верифицируемыми гипотезами? Надо заниматься текстами, дискурсами, семиотикой — никто не поспорит с тем, что это научно. А личность, например, или духовность, или разум — это чертовски ненаучно, с этим вам, товарищ, в монастырь или в Древнюю Грецию! Субъективистский каприз, понимаешь ли! То ли дело “техночеловек” с его “технодискурсами”! Нет, всё-таки нужно, нужно отыскать того философа (что-то подсказывало Виктору, что он жив), сделаться его учеником и писать, писать! Иначе к концу жизни превратишься в одного из этих, кабинетных...

Побродив по городу, Велемыслов решил отправить в редакцию философского журнала письмо. В нём он, ссылаясь на своего учителя, изложит концепцию альтернативного вектора эволюции и выскажет собственную точку зрения на различия между кабинетной, академической философией и живой мыслью о бытии, которая не трепещет перед истиной и не торопится за идеологическими поветриями эпохи...

Было около пяти часов вечера. Если вернуться в общежитие, соседи по комнате, любители шумных пирушек, не дадут ему осуществить то, что он задумал, поэтому Виктор решил вернуться в библиотеку — только там в этом чужом городе он чувствовал себя как дома и мог работать.

К девяти часам письмо было готово. По правде говоря, оно куда более походило на философское эссе, нежели на произведение эпистолярного жанра. К редакторам Виктор обращался вежливо, но в изложении своей позиции был категоричен и прям. Он старался не оставить ни одной логической бреши, чтобы титулованные софисты поняли, что перед ними — подкованный оппонент, а не какой-нибудь взбалмошный мальчишка.

В конце письма Виктор указал свои координаты и, немного подумав, назвал свой возраст (было ему двадцать три года). Затем его осенило: а что, если кто-нибудь из редакторов журнала слышал о том философе? “Была не была!” Виктор оформил свой вопрос в виде постскриптума. В зале периодики он уточнил электронный адрес редакции и, несколько раз вдумчиво перечитав свой труд, отправил его в путешествие по просторам мировой сети...

Всю следующую неделю Велемыслов ежечасно проверял почту — ответа не было... Напряжение ожидания постепенно ослабевало, и рассудок переключался на другие дела. На диссертацию, например. Профессор настоятельно требовал первый раздел, хотя и согласился дать Виктору ещё неделю отсрочки. Вылетать из аспирантуры Велемыслов пока не собирался, потому и возобновил научную работу...

А в один из последних дней февраля, когда долгожданная весна и мартовская конференция были совсем близко, Виктор, наконец, получил заветное письмо из Москвы. Содержание его было следующим: “Здравствуйте, уважаемый Виктор! Невзирая на то, что взгляды, изложенные в Вашем письме, в корне не соответствуют концепции нашего журнала (философская фантастика не наш профиль), мы благодарны Вам за отклик на опубликованный материал. Вы интересовались, не известен ли нам философ А. В. Головин, автор трактата “Природа человека”. Что ж, рады сообщить Вам следующее: этот автор нам известен, так как в прошлом году он прислал в редакцию журнала вышеназванный труд, удостоившийся впоследствии разгромной рецензии. По информации, актуальной на 2013 год, А. В. Головин проживает в г. Тихвине Ленинградской области и является преподавателем одного из средне-специальных учебных заведений города. Более точными данными мы не располагаем. Всего доброго, Виктор. С уважением, редакция журнала “Философия и современность”.

Прочитав письмо, Виктор просиял от счастья. Нашёлся! Его наставник, его далёкий друг нашёлся! И не где-нибудь, а в родном городе композитора Римского-Корсакова, участника пресловутой “Могучей кучки”! В этот же вечер Велемыслов разузнал в интернете координаты тихвинских сезонов — к счастью, их оказалось всего два. Уже к обеду следующего дня он владел информацией о том, что А. В. Головин является преподавателем кафедры гуманитарных дисциплин промышленно-гуманитарного колледжа. К утру письмо для философа, которое Виктор (за неимением личного адреса) решил отправить прямо на кафедру, было готово. Никогда в жизни он не испытывал столь напряжённых творческих мук и столь чистой радости от проделанной работы!

* * *

В конце марта, как раз в день конференции (по иронии благосклонной судьбы), Виктор Велемыслов, сияя и искрясь, словно весенний ручеек, в котором искупались солнечные лучи, сел в поезд “Минск — Санкт-Петербург”. Александр Валентинович Головин должен был встретить его на автовокзале в Тихвине ровно через сутки.